

Виталий Бицики

МИШКА
БАШКА

ДЕТГИЗ
1953

Виталий Бианки

**МИШКА-
БАШКА**

*Рисунки
Е. Чарушина*

*Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва · Ленинград
1953*

АРИШКА-ТРУСИШКА

Колхозницы Федоры дочурку все Аришкой-Трусишкой звали. До того трусливая была девчонка, — ну, просто ни шагу от матери! И в хозяйстве от неё никакой помощи.

— Слышь, Аришка, — скажет бывало мать, — возьми ведёрочко, натаскай из пруда воды в корыто: постираться надо.

Аришка уж губы надула:

— Да-а!.. В пруду — лягушки.

— Ну и пусть лягушки. Тебе что?

— А они прыгучие. Я их боюсь.

Натаскает Федора воды сама, бельё постирает.

— Поди, доченька, на чердаке бельё развесь — посушиться.

— Да-а!.. На чердаке — паук.

— Ну и пусть паук.

— Он ползучий. Я его боюсь.

Махнёт Федора рукой на дочь, сама на чердак полезет.

— А ты, Аришка, пока хоть в чулан сходи, молока крынку принеси.

— Да-а!.. А в чулане — мыши.

— А хоть бы и так! Не съедят они тебя.

— Они хвостатые. Я их боюсь.

Ну, что с такой трусишкой поделаешь?!

Раз летом убирали колхозники сено на дальнем покосе в большом лесу. Аришка от матери ни на шаг, цепляется за юбку, — работать не даёт.

Федора и придумала:

— Ты бы, девушка, в лес сходила по малину. Тут в лесу страсть сколько малины. Хоть лукошко набери

Аришка — первая в колхозе сладёна. К ягодам липнет, как муха к сахару.

— Где, маменька, где тут малинка?

— Да вон на опушке. Идём, покажу.

Как увидела Аришка на кустах красные ягоды, так к ним и кинулась.

— Далеко-то в лес, слышь, не ходи, доченька, — наставляла Федора. — А напугаешься чего, — меня кличь. Я тут рядом буду, никуда не уйду.

Славно поработалось в тот день Федоре: ни разу её из лесу Аришка не окликнула.

Пришло время полдничать. Только собралась Федора за дочуркой в лес, глядь — Аришка сама идёт. Все щёки у неё в малиновом соку и в руках — полное лукошко ягоды.

— Умница, доченька! — обрадовалась Федора. — И где же это ты столько много ягоды набрала?

— А там подальше, за ручьём, в большом малинике.

— Ишь расхрабрилась, куда забрела! Говорила ведь

я тебе: далеко в лес не заходи. Как там тебя звери не съели?

— Какие там звери! — смеётся Аришка. — Один медвежонок всего и был.

Тут уж Федоре пришёл черёд пугаться.

— Как... медвежонок? Какой такой медвежонок?..

— Да смешной такой, хорошенький. Мохнатый весь, носик чёрненький, а глазки зелёные-зелёные!

— Батюшки-светы! И ты не испугалась?

— И не подумала! Я ему: „Здравствуй, Мишук!“ А он, бедненький, напугался — да на дерево от меня. Я ему кричу: „Слазь, Мишенька, слазь! Дай только поглажу!“ А он выше да выше. Так и не слез ко мне. Поди, и сейчас на том дереве сидит, с перепугу-то.

У Федоры так сердце и оборвалось.

— А в кустах, доченька, никого там не заметила?

— Был кто-то, ходил, сучьями потрескивал да всё ворчал толстым голосом. Тоже, верно, малинку собирал. Уж я звала-звала: „Дяденька, пособи медвежонка поймать!“ Да не вышел он ко мне.

— Дитя неразумное! — всплеснула руками Федора. — Да ведь это не иначе, как сама медведиха кругом ходила, своего медвежонка берегла! Да как только она тебя насмерть не разорвала!

А колхозники, как такое услышали, сейчас подхватили кто топор, кто вилы — да в лес!

В малиннике за ручьём и на самом деле нашли медведицу. Только она им не далась, ушла от них с другим своим медвежонком.

А того медвежонка, что на дерево залез, колхозники изловили и Аришке в подарок на ремешке привели.

Случилось это всё в прошлом году.

Теперь медвежонок с большого медведя вырос, а от Аришки ни на шаг, как бывало Аришка от матери. Сама Аришка — та всё еще маленькая, только еще в первый класс пошла, и над партой её чуть видно. Мишука своего нисколько не боится, хоть он вон какое страшилище вырос: лошади от него шарахаются и трактор на дыбы становится.

Нынче уж Федорину дочурку никто Аришкой-Трусишкой не зовёт, — все Аришей с Мишей величают. Она старательная такая стала, всем девчонкам в пример, матери помощница. И за водой на пруд, и в погреб и на чердак ходит.

Вот и пойми её, чего она раньше мышей-то боялась!

МИШКА-БАШКА

Из прибрежных кустов высунулась толстая звериная башка, в лохматой шерсти блеснули зелёные глазки.

— Медведь! Медведь идёт! — закричали перепуганные ласточки-береговушки, стремительно проносясь над рекой.

Но они ошиблись: это был всего только медвежонок. Еще прошлым летом он вприскок бегал за матерью-медведицей, а этой весной стал жить сам по себе, своим умом: решил, что он уже большой.

Но стоило ему только выйти из кустов — и всем стало видно, что большая у него только голова — настоящая толстая лохматая медвежья башка, а сам-то он еще маленький, — с новорождённого телёнка, да смешной такой: на коротких косолапых лапах, хвостиком куцый.

В этот знойный летний день в лесу было душно, парно. Он и вышел на бережок: так приятно тут обдувал свежий ветер.

Мишка уселся на траве, сложил передние лапы на круглом брюшке. Человечком сидел и степенно поглядывал по сторонам.

Но ненадолго хватило у него степенности: он увидел под собой весёлую, быструю речку, перекувырнулся через голову и на собственных салазках ловко съехал с крутого бережка. Там стал на четвереньки — и давай лакать прохладную воду. Напился всласть и вразвалочку, не спеша закосолапил вдоль берега. А зелёные глазёнки так и сверкают из шерсти: где бы чего напроказить?

Чем дальше он подвигался, тем выше и круче становился берег. Всё громче и тревожнее кричали над ним ласточки. Некоторые из них проносились мимо самого его носа с такой быстротой, что он не успевал разглядеть их, кто такие, и только слышал жужжание их крылышек.

„Ишь, их тут сколько! — подумал Мишка, остановившись и поглядев вверх, — что пчёл у дупла“.

И сразу вспомнил, как прошлым летом мать-медведица подвела его с сестрёнкой к пчелиному дуплу. Дупло было не очень высоко, и медвежата почувляли чудесный запах мёда. Вперегонки полезли на дерево.

Мишка первый долез и запустил в дупло лапу. А пчёлы как загудят, как накинутся на них! Сестрёнка завизжала и кубарем вниз. А он отведал-таки душистого сладкого мёду. И опять засунул в дупло лапу и опять облизал её.

Но тут одна пчёлка больно ужалила его под глаз, а другая — в самый нос. Он, конечно, не заревел, но очень быстро скатился с дерева. Пчёлки хоть совсем махонькие, а сердитые; пришлось удирать подальше в лес. А сестрёнка еще долго хныкала: ей так и не удалось попробовать мёду.

Сейчас Мишка с опаской поглядывал на стаю береговушек: он первый раз их видел и не совсем был уверен, птицы ли они. А вдруг они такие большие пчёлы?

Ну, так и есть: вон и дупла их — множество чёрных дырок под самым обрывом! То и дело вылетают из них всё новые береговушки и с криком присоединяются к стае. А что кричат, — непонятно. Мишка их языка не знал. Понимал только, что сердятся. А ну как возьмут в работу да начнут жалить?! Ой-ой!

А дырок-то, дырок в берегу сколько! И в каждой,

наверно, пуд мёду. Интересно, — такой же он сладкий, как у тех маленьких лесных пчёлки?

Под самой кручей стоял почерневший от старости ольховый пенёк. Недолго думая, Мишка вскарабкался на него. Да нет, где там отсюда достать!

Мишка спустился с пня и полез вверх по круче. Ласточки всей стаей закружились над ним и чуть не оглушили его своим криком. Ну да пусть, лишь бы не жалили!

Ни одна не ужалила. И Мишка стал карабкаться в гору храбрее.

А гора песчаная. Мишка старается, лезет, а песок под ним осыпается. Мишка сильнее нажимает — песок скорее осыпается. Мишка ворчит, сердится! Наддал со всей силой. Глядь, что такое? Вся круча поехала! И он с ней едет, едет... И приехал как раз на то место, откуда полез в гору...

Сел Мишка и думает: „Как же теперь быть? Этак ввек никуда не влезешь“.

Ну, ведь Мишка — башка: живо придумал, как горю пособить. Вскочил — да назад по речке, откуда пришёл. Там без труда забрался по траве на невысокий берег — и опять сюда, к обрыву.

Лёг на брюхо, заглянул вниз: тут они, ласточкины дупла, прямо под ним! Только лапу протянуть!

Лапу протянул, — нет, не достать!..

А ласточки над ним вьются, пищат, жужжат! Надо скорее. Посунулся осторожно ещё вперёд, обе лапы тянет, вот уже было совсем достал, да кувырк!

Ах ты, глупая, толстая, тяжёлая медвежья башка! Ну, куда такую башку годовалому медвежонку? Ведь перевесила...

Летит Мишка под кручу, через голову кувыркается, — только пыль столбом!

Летит вниз, сам себя не помнит, да всё шибче, шибче...

Вдруг — раз! — его кто-то по лбу.

И стоп! Прикатил Мишка. Сидит.

Сидит — качается: очень здорово его по лбу треснули. Чихает сидит: в нос песку набилось.

Одной лапой шишку трёт: большущая шишка на лбу выскочила!

Другой лапой глазёнки протирает: полны глаза песку да пыли.

Ничего толком перед собой не видит. Только будто маячит перед ним кто-то высокий, чёрный...

— А-а-а, так это ты меня по лбу! — заревел Мишка. — Я тебя!

Вскинулся на дыбы — лапы над головой, — да рраз! — со всей силы чёрному в грудь.

Тот — с ног. И Мишка не удержался: за ним следом. Да оба, обнявшись, — бултых в воду!

А под обрывом-то омут глубокий...

Ушёл Мишка в воду весь — и с головой.

Ну, ничего, всплыл всё-таки.

Лапами заработал, чёрного от себя оттолкнул, — чёрный тоже всплыл. Мишка кое-как лягушкой, лягушкой до того берега.

Выскочил на берег и без оглядки, полным ходом мах-мах в лес!

Береговушки за ним тучей мчатся. Кричат: „Грабитель! Разоритель! Прогнали, прогнали!“

Мишке и оглянуться некогда: вдруг там за ним ещё тот, чёрный гонится?

А чёрный в омуте плавает: это пень. Высокий, почерневший от старости ольховый пень.

Никто Мишку по лбу не стучал: сам Мишка на пень налетел, лбом об него треснулся, как с кручи-то летел.

Башка-то у Мишки большая, крепкая, а сам ещё маленький.

Многому еще учиться надо без мамы.

СНЕГИРУШКА-МИЛУШКА

Жил у нас с бабушкой летом снегирушка. Грудка розовая, как кисель. Ручной совсем. Такой милушка! И очень музыку любил. Заведёшь патефон, — он сейчас насвистывать.

Мы ему всё больше ставили старинную песенку про охотника и зайку. Он и выучил её. Целыми днями бывало свистит себе из своей большой проволочной клетки:

Шёл охотничек лесочком.
Вот идёт, идёт, глядит, —
А под кустичком кусточком,
А под кустичком кусточком
Зайнька сидит...

Так славно насвистывал, — все удивлялись.

А потом — осенью — заболел. Заболел наш снегирушка — и смолк. Сидит — хохлится, зёрна не клюёт и молчит.

Пёрышки у него стали падать. Это он линял. Долго

линял — хохлился. А когда перелинял и выздоровел, — опять повеселел.

Повеселеть-то повеселел снегирушка, а песенку нашу любимую забыл. Насвистывает что-то своё, птичье, а про зайку — никак. Хотя мы ему попрежнему патефон заводили.

Заведём, — он слушает, слушает... Смирно сидит, будто что-то вспомнить силится, — и не может.

К зиме мы кота взяли у соседей, большого, серого: очень нас мыши одолели. Тут уж снегирушка и совсем замолк.

Раз солнечным весенним утром мы опять поставили эту пластинку:

— Ну-тка, борзая, хватай-ка! —
Тут охотничек сказал.

Снегирушка ни гу-гу.

Я и говорю бабушке:

— Я не знал, что птичкам так тяжело линять. Наш снегирушка совсем слух потерял, как маленькая Маша после кори.

Бабушка говорит:

— Может быть, это он кота боится. Надо кота унести.

А снегирушка из клетки вдруг как засвистит:

— Я не ваш! — ответил зайка, —
Я не ваш! — ответил зайка, —
Прыг — и ускакал!

Мы так и ахнули: вспомнил ведь песенку, милуша!

МУЗЫКАЛЬНАЯ КАНАРЕЙКА

Ещё была у моей бабушки канарейка. Бабушка её очень берегла, потому что канарейка была тоненькая, нежная — вся жёлтенькая и пела чудесно. Эта канарейка тоже музыку обожала, только самую хорошую. Бабушка ей всегда самые лучшие свои пластинки заводила, разные там концерты.

Вот как-то бабушка ушла из дому, а я назвал к себе ребят.

На дворе был дождь, нам было скучно и мы придумали устроить свой оркестр.

Я взял гребёнку и тонкую бумажку, сделал себе губную гармошку. А ребята — один себе стакан поставил, — ложечкой стучать; другой — пустое ведро кверху ногами: вместо барабана; у третьего трещотка дере-

вянная была. И начали мы играть известную песенку: „Мы едем, едем, едем в далёкие края!“

И совсем уже было у нас на лад пошло, начало даже что-то получаться, — вдруг входит бабушка. Вошла бабушка, улыбнулась на нашу музыку. Потом посмотрела на клетку да как всплеснёт руками:

— Ах, что вы делаете! Вы мою канарейку убили! А мы к её клетке даже близко не подходили.

Смотрим — правда, канарейка лежит на песке, глаза закрыты и ножки кверху.

Бабушка сразу всех ребят зонтиком выгнала и давай скорей свою канарейку сердечными каплями отхаживать.

Отходила всё-таки.

Бабушка немножко успокоилась и говорит:

— Глупые какие! Разве можно при ней такой отвратительный шум устраивать! Ведь у неё замечательно нежный слух. Она не может вытерпеть ваших трещоток, ведер и губных гармошек. Это очень музыкальная птичка-певичка, и с ней сделался настоящий обморок от вашей безобразной игры.

ДЯТЕЛ И МАЛИНОВКА

Кто-то из ребят спросил:

— А какой из себя дятел?

— Я знаю, — сказал Ваня. — У дятла нос долотом, потому что он деревья долбит носом; а хвост голиком, знаете, как жёсткий, из одних прутьев, веник, с которого оборваны листья. Жёсткий, упругий хвост у дятла, потому что дятел опирается на хвост, когда размахивается головой.

— Совершенно верно, — хором отозвались ребята.

— Ростом дятел с дрозда, — продолжает Ваня, — пёстрый, весь в чёрных и белых крапинах, спина чёрная, на каждом крыле по круглому белому пятну, а на голове красное.

— Верно, — сказала Маня, — дятел пёстрый, с дрозда ростом. И шапочка у него красная. Но спина у него белая и на крыльях не круглые пятна, а узкие белые

полоски. Ещё ты забыл сказать, Ваня, что у дятла по четыре пальца на лапе, — два вперёд, два назад.

— Так-то так, — сказала Таня, — пальцев четыре, и спинка белая, и крылья в белых полосках. Только ростом-то дятел не больше воробья.

— Ой-ой-ой! — закричал Саня. Никто из вас, значит, и в глаза не видал дятла! Дятел — это же крупная птица, с ворону, пожалуй, бу-

дет. И весь он совершенно чёрный, только шапка на голове у него красная, как у начальника станции.

— Ну, ну, правильно, — сказала Аня. — Дятел — птица довольно крупная. К нам в сад осенью каждый день прилетал один — забор долбить. Уж я-то его хорошо разглядела. Только почему вы говорите, что он пёстрый или чёрный?

— А по-твоему, какого же он цвета? — спросили ребята.

— Да зелёный, конечно, — сказала Аня.

Ребята как прыснут со смеху.

— Зелёный, длинный, висит в гостинной!

— Серо-буро-муро-малиновый в крапинках!

— Висит и пищит!

Как приутихли немножко ребята, Таня и говорит:

— Никак, видно, нам не сго-

вориться, — у каждого из вас дятел своего цвета. Хорошо еще, что шейка у него красная и пальцев четыре. А вот я целое лето держала дятла дома: у мальчишек выпросила, они его камнем с ветки сбили. Уж, кажется, могла рассмотреть, какой он из себя? И я вам заявляю: нет у дятла на голове ни одного красного пёрышка! Все золотые. Золотая у него шапочка. И пальцев у него вовсе не четыре, — кто это так сосчитать умудрился? — а вовсе три: два пальца вперёд, а один назад.

Смотрят друг на друга ребята — и ничего понять не могут: почему у всех дятлы разные? То ли за дятлов других каких птиц принимали? То ли сами из своей головы выдумали, какие они из себя — дятлы?

Кто-то потребовал:

— Призвать сюда нашего учёного брата Льва юнната. Пусть скажет, — кто же из спорящих прав?

— А все правы, — сказал юннат Лев. — Дятлов-то ведь у нас сколько разных — целое „семейство“. Пёстрые дятлы: большой пёстрый — с белыми пятнами на крыльях и с чёрной спиной; белоспинный — с белыми полосками на крыльях; эти оба ростом с дрозда, а малый пёстрый дятел — тот с воробышка. Жёлна-чёрный дятел самый большой; что в тёмных борах живёт, — тот с ворону, а зелёный дятел поменьше его и любит

светлые лиственные рощи. У всех дятлов самцы — красношапочники; и у всех у этих дятлов — и самцов и самок — по четыре пальца на ноге — два вперёд, два назад. И у одного только из наших пёстрых дятлов и шапочка не красная, а золотая, и пальцев не четыре, а всего три: два вперёд, один назад. Так он и зовётся: трёхпалый дятел.

— А теперь, — закончил свой доклад юннат Лев, — дайте-ка я вам птичью загадку загадаю. Какая из себя птичка малиновка? Знаете?

— Подумаешь! Загадал! — зашумели ребята. — Кто же малиновку-то не знает? Об ней и в песне поётся: „Стрелок малиновку убил“... Такая же обыкновенная птица, как воробей.

— Только тоненькая, — сказал Ваня. — И носик у неё тоненький! Вся серенькая, а на груди — малиновое пятно. Поёт на утренней и на вечерней заре. Гнездо вьёт на земле, под корнями деревьев или в дупле. Яички несёт розоватые со ржавыми пятнышками.

Маня подтвердила:

— Всё, как есть, так.

И Таня скрепила:

— Точно!

— И ничего преподобного! — сказал Саня. — Малиновка — вся такая светленькая пташка без никаких малиновых пятен. Поёт она днём, гнезда вьёт в малиннике, в папоротнике и в других кустах и травах. И яички у неё совсем не розовые, а беловатые с бурыми пестринками.

— Правильно! — подтвердила Аня.

— С подлинным верно! — скрепила Таня.

— Вот новое дело! — закричали ребята. — Малиновка-то у нас одна, — не то, что целое семейство дятлов. Что ж они путают? Одни про одно, другие про другое! Слово учёному брату — Льву юннату.

— Имя плохое — „малиновка“, — сказал юннат Лев. — Одни найдут гнездо птички в малине — и птичку эту назовут малиновкой. Другим бросится в глаза малиновое пятно на груди — и эту птичку они назовут малиновкой, за это пятно назовут. Вот потом и разбирайся, кто про что думает, про какую птичку „малиновку“.

— Та тёмненькая птичка с малиновым пятном на груди, птичка, что поёт только по зарям, — правильно зовётся зарянка. А та, что часто в садах, в малиннике гнёзда вьёт, — садовой славкой.

— Дело! — сказали ребята. — „Юннат малиновку убил“. И распалась та птичка малиновка на две живые, хорошие птюшки — зарядку и славку садовую.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

АРИШКА-ТРУСИШКА	3
МИШКА-БАШКА	8
СНЕГИРУШКА-МИЛУШКА	15
МУЗЫКАЛЬНАЯ КАНАРЕЙКА	17
ДЯТЕЛ И МАЛИНОВКА	19

*Отзывы и пожелания издательству направляйте по адресу:
Ленинград, набережная Кутузова, 6, Дом детской книги Детгиза*

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор Г. П. Гроденский.
Художник-редактор Ю. Н. Киселев. Техн. редактор Н. М. Сусленикова.
Корректоры А. К. Петрова и А. П. Нарвойш. Подписано к набору 23/IV 1953 г.
60 × 92¹/₂. Бум. л. 1,5. Печ. л. 3. Авт. л. 0,53. Уч.-изд. л. 2,15. Тираж 100 000. М-39539.
Подписано к печати 12/VIII 1953 г. Цена 1 р. 50 к. Заказ № 313.
2-я фабрика детской книги Детгиза Министерства Просвещения РСФСР,
Ленинград, 2-я Советская, 7.

Цена 1 р. 50 к.

Вамко 70 к.

МАДОУ детский сад № 2
г. Ивделя